

Лермонтовский завиток

Александр Кибовский

Среди обширной иконографии Михаила Юрьевича Лермонтова особую ценность представляют его прижизненные портреты. Какой из них больше похож на поэта, спорили ещё его современники. Да и сегодня вокруг некоторых произведений идут горячие дискуссии.

Высочайшим приказом 22 ноября 1834 года юнкер Михаил Лермонтов был произведён в чин корнета и выпущен в лейб-гвардии Гусарский полк. В Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где обучался поэт, этот приказ объявили 4 декабря. Надев новую форму, Лермонтов поспешил в свет, куда в прежнем юнкерском звании ему вход был запрещён два года. Встретив на балу свою студенческую любовь Екатерину Сушкову, поэт радостно сообщил: «Меня только на днях произвели в офицеры, я поспешил похвастаться перед вами моим гусарским мундиром и моими эполетами; они дают мне право танцевать с вами мазурку». Кто бы мог подумать, что через полтора века эти самые эполеты сыграют злую шутку с одним из портретов русского гения.

Однокашник поэта Александр Меринский вспоминал: «В конце 1834 года

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка М. Ю. Лермонтов. Холст, масло. 76,3 x 62 см
Пушкинский Дом

Гравюра, выполненная в Лейпциге в 1865 году по фотографии А. С. Муренко. Пушкинский Дом

По сравнению с оригиналом на эполетах вместо одной корнетской звездочки изображены три, соответствующие чину поручика, а также укорочено шитье на воротнике вицмундира

художником Захаровым, масляными красками... вскоре по выходе Лермонтова из Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров».

Саратовский фотограф Антоний Муренко сделал с портрета снимок, по которому издатель Илья Глазунов заказал в Лейпциге гравюру. При этом в мастерской Брокгауза на эполетах Лермонтова вместо одной звездочки изобразили три, соответствующие чину поручика, а также обкорнали шитье на воротнике вицмундира. В таком виде портрет был приложен в 1865 году к изданию «Песни про... купца Калашникова» и стал известен публике как работа Захарова.

В начале 1905 года дочь Афанасия Столыпина, Наталья, прислала портрет в столицу на знаменитую Таврическую выставку. И тут неожиданно выяснилось, что на обороте холста имеется надпись чернилами: «Писаль Будкинъ 1834-го С. Петербургъ». Это поколебало уверенность в авторстве Захарова. После революции, когда картина оказалась в музее-усадьбе «Мураново», его научный сотрудник Николай Пахомов в 1935 году сделал вывод, что автором картины являлся не Захаров, а художник Филипп Осипович Будкин. Это мнение, изложенное сначала в «Литературном наследстве», Пахомов повторил в 1940 году в своей классической монографии «Лермонтов в изобразительном искусстве».

Однако не все согласились с точкой зрения Пахомова. В 1963 году на VI Все-

он был произведён в корнеты. Через несколько дней по производстве он уже щеголял в офицерской форме. Бабушка его Е. А. Арсеньева поручила тогда же одному из художников снять с Лермонтова портрет. Портрет этот, который я видел, был нарисован масляными красками в натуральную величину, по пояс. Лермонтов на портрете изображён в вицмундире (форма того времени) гвардейских гусар, в корнетских эполетах; в руках треугольная шляпа с белым султаном, какие тогда носили кавалеристы, с накинутой на левое плечо шинелью с бобровым воротником. На портрете этом, хотя Лермонтов был немного польщён, но выражение глаз и турнюра его схвачены были верно».

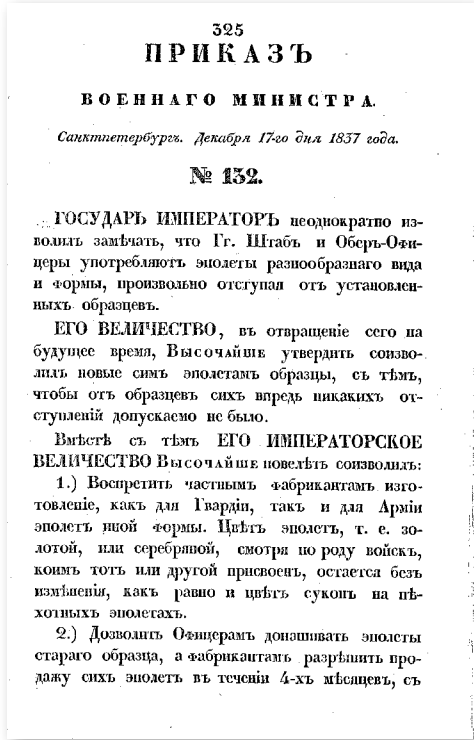
В дальнейшем портрет оказался в селе Неёловка Саратовской губернии у брата и наследника бабушки поэта Афанасия Алексеевича Столыпина. Здесь его увидел известный библиофил Михаил Лонгинов, записавший в 1865 году: «Это лучший из известных мне

«Выражение глаз и турнюра его схвачены были верно»

портретов Лермонтова; хотя он на нём и очень польщён, но ближе всех прочих передает общее выражение его физиономии (в хорошие его минуты), особенно его глаза, взгляд которых имел действительно нечто чарующее, fascinant, как говорится по-французски, несмотря на то что лицо поэта было очень некрасиво».

Лонгинов прямо указывал, что «оригинал писан масляными красками в натуральную величину художником Захаровым». Собирателем лермонтовского наследия Петр Ефремов также утверждал: «Оригинал был рисован

союзной лермонтовской конференции против неё категорически выступил грозненский исследователь Николай Шабаньянц. Он посвятил много лет открытию и изучению творчества чеченского художника Петра Захаровича Захарова. Именно его он предложил считать автором оригинального портрета Лермонтова, а Будкина — в лучшем случае копистом. В результате с новой силой разгорелась полемика, в которой ключевое значение стала играть датировка картины.

Лермонтов дважды числился корнетом в лейб-гвардии Гусарском полку — с 22 ноября 1834 по 27 февра-

Эполеты корнета Лейб-гвардии Гусарского полка, принадлежавшие М.Ю. Лермонтову. Пушкинский Дом

Хорошо виден тот самый 4-й узкий внутренний виток вокруг поля эполет. Интересно, что их шейка не набрана из 11 звеньев, а отштампована вместе с полем из цельной пластины с воспроизведением рельефа. При внешнем сходстве с наборными эполетами такой вариант был удобнее в производстве и практичнее при ношении.

ля 1837 года, а затем с 9 апреля 1838 по 6 декабря 1839 года. Но в какой из периодов написан портрет? В 1970 году с этим решил разобраться авторитетный историк военного костюма полковник Игорь Шинкаренко. На страницах журнала «Искусство» он поместил статью, которая по сей день является определяющей. В качестве главного аргумента Шинкаренко сослался на приказ военного министра 17 декабря 1837 года, когда «в гвардии и армии была введена новая форма офицерских эполет с прибавлением четвёртого узкого витка. До этого же в 30-х годах XIX века генералы и офи-

Датировка Шинкаренко стала общепризнанной

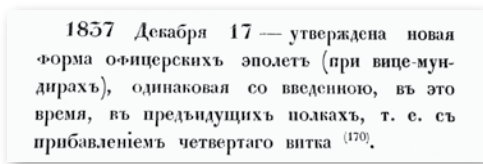
церы носили эполеты, на которых имелось три витка... Наличие чётко выписанного четвёртого узкого витка на эполете не оставляет ни малейших сомнений в том, что портрет мог быть написан только в 1838–1839 годах и не ранее».

Датировка Шинкаренко стала общепризнанной. В результате в итоговом заключении Государственного Русского музея указанный на обороте 1834 год не был подтверждён, поскольку поэт изображён «с эполетами, введенными 17

декабря 1837 года». Но так ли это? По всей видимости, сам приказ Шинкаренко не видел, а сослался на его упоминание в многотомном труде «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». Однако это издание середины XIX века является всё-таки не источником, а сводом данных, в котором есть лакуны и неточности.

Между тем приказ начинается с важной преамбулы: «Государь император неоднократно изволил замечать, что гг. штаб и обер-офицеры употребляют эполеты разнообразного вида и формы, произвольно отступая от установленных образцов». Лермонтов же, по воспоминаниям друзей, «был очень плохой служака, в смысле фронтовика и исполнителя всех мелких подробностей в обмундировании... Весною 1839 г. Лермонтов явился к разводу с маленькою, чуть-чуть не игрушечною детскою саблею при боку, несмотря на присутствие великого князя Михаила Павловича, который тут же арестовал его за это, велел снять с него эту саблю и дал поиграть ею маленьким великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам, которых привели смотреть на развод. В августе того же года великий князь за неформенное шитьё на воротнике и обшлагах вицмундира послал его под арест прямо с бала».

Таким образом, наличие на портрете Лермонтова эполет с четырьмя витками вместо трёх не может считаться надёжным аргументом для его датировки лишь 1838–1839 годами. Об этом я сообщил заведующей Литературным музеем Пушкинского Дома Ларисе Георгиевне Агамалян. Эту же информацию я отправил исследователям творчества Петра Захарова — председателю Союза писателей Чеченской Республики Канте Ибрагимову и старшему научному сотруднику ИНИОН РАН Мадине Шахбиевой. Коллеги очень заинтересовались новой трактовкой. По их просьбе я решил до конца разобраться с «лермонтовским завитком».

Фрагмент текста на стр. 43 части XXV «Исторического описания одежды и вооружения российских войск...» (СПб., 1861)

Этот фрагмент ввёл в заблуждение полковника И. П. Шинкаренко в 1970 году и стал причиной неверного сужения датировки портрета М. Ю. Лермонтова.

Поскольку каждому приказу военного министра предшествовала соответствующая переписка, я принялся её искать в Российском государственном военно-историческом архиве. Хочу искренне поблагодарить директора РГВИА Ирину Олеговну Гаркушу и замечательных специалистов Татьяну Бурмистрову и Михаила Нешкина. С их помощью в бескрайних архивных фондах нашлось нужное дело. Подлинные документы раскрыли совершенно неожиданную историю.

Осенью 1837 года командир Отдельного Гвардейского корпуса великий князь Михаил Павлович, известный своим педантизмом, заметил, что офицеры носят разные варианты эполет. В связи с этим он потребовал объяснения от Казённой фабрики офицерских вещей. Её смотритель доложил, что пехотные эполеты фабрика делает по образцу, высочайше утверждённому в 1823 году, а для лёгкой кавалерии (драгуны, гусары, уланы) — по образцу, принятому 13 октября 1827 года. Его главное отличие от пехотного варианта заключалось в том, что шейка эполета была не гладкой, а собиралась из 11 металлических звеньев.

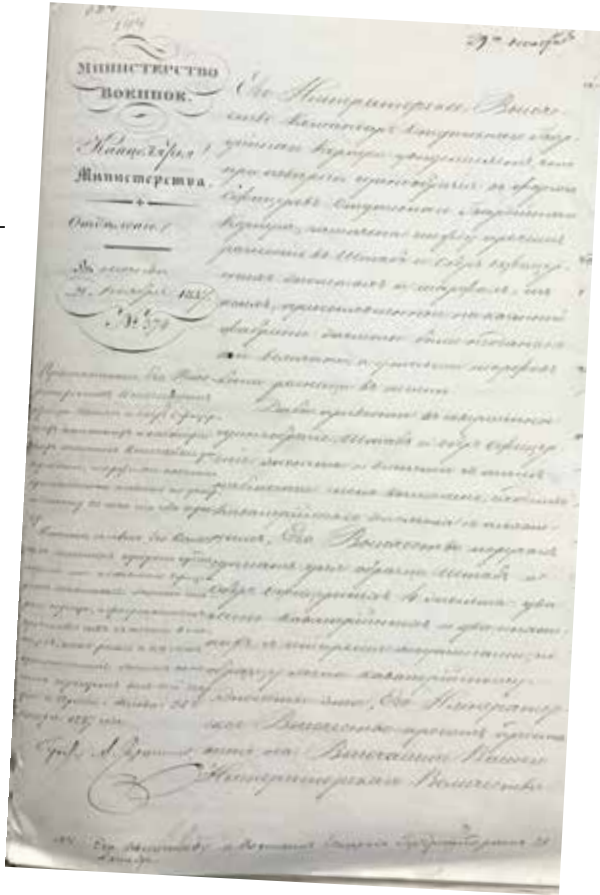
Эполеты для обер-офицеров: → лёгкой кавалерии образца 13 октября 1827 года (образец переутверждён 17 декабря 1837 года); → пехоты образца 17 декабря 1837 года Раскрашенные акварелью литографии. 1853 год Музей-панорама «Бородинская битва»

Но великого князя интересовали другие различия. Выяснилось, что пехотный образец имел три витка вокруг поля эполет, а кавалерийский — четыре витка и более круглое поле. Ввиду этого Михаил Павлович велел сделать на фабрике пехотные эполеты с четырьмя витками и круглым полем, аналогичным по форме кавалерийскому. 7 ноября 1837 года он направил министру графу Александру Чернышеву. 25 ноября граф представил эполеты Николаю I, который утвердил их как новые образцы, о чём 17 декабря и было объявлено приказом.

Согласно архивным документам, введение четвёртого витка вокруг округленного поля касалось только пехотных эполет. Образец для лёгкой кавалерии остался прежним и фактически был просто переутверждён. Но поскольку в самом приказе этот нюанс не разъяснялся, составители «Исторического описания...» решили, что эполеты с четырьмя витками установили заново для всех войск, в том числе и для гусар. Впоследствии это ввело в заблуждение Игоря Шинкаренко, напрасно сузившего датировку портрета.

Сегодня нет никаких препятствий для датировки портрета 1834 годом, как, впрочем, и 1835–1839 годами. Гусарский корнет Лермонтов с самого начала и всегда носил эполеты с четырьмя витками. Вари-

Доклад военного министра графа А. И. Чернышева о введении новых образцов эполет, утверждённый Николаем I 25 ноября 1837 года. РГВИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 612

ант с тремя витками ему никогда не полагался. Лично мне наиболее достоверным кажется свидетельство Меринского. Портрет Лермонтова вполне укладывается в иконографию юных гвардейцев, стремившихся запечатлеть радостный момент производства в первый офицерский чин. Надеюсь, что устранение прежних «эполетных» недоразумений поможет всё-таки разобраться, кто являлся автором этого важного для отечественной культуры произведения. ▽

Автор — кандидат исторических наук, руководитель Департамента культуры города Москвы